

ЛЕНА ЭЛЬ

Мое
АЛТАЙСКОЕ
недоразумение

Лена Эль

Мое алтайское недоразумение

«Автор»

2026

Эль Л.

Мое алтайское недоразумение / Л. Эль — «Автор», 2026

Я приезжаю на Алтай, чтобы забыть бывшего мужа и отпраздновать свободу. План рушится в первый же вечер: в моем номере взрывается кран, отдых превращается в катастрофу, а спасти меня приходит Павел — суровый местный сантехник с руками, от которых опасно часто сбивается дыхание. Он селит меня в хозяйское шале, кормит у камина и обещает взять все неприятности на себя. Осталось только понять, кто он на самом деле — мое алтайское недоразумение или шанс начать всё заново?

© Эль Л., 2026

© Автор, 2026

Лена Эль

Мое алтайское недоразумение

Глава 1. Алтайский водопад

Тяжелый матово-черный кран выстреливает из стены с таким звуком, будто в моей ванной только что разорвалась граната. Упругая ледяная струя ударяет прямо в грудь, выбивая воздух из легких и сбивая с ног. Я поскальзываюсь на паркете из элитной лиственницы, больно ударяюсь коленом и в панике гляжу на ревущий гейзер. Мой эксклюзивный номер стремительно превращается в филиал горной реки, а дорожный шелковый пеньюар намокает и прилипает к коже.

Но хуже всего — мысль, которая пульсирует в висках: у меня нет денег, чтобы покрыть этот ущерб!

Поэтому я смело бросаюсь в бой с элитной сантехникой. Перехватываю скользкую трубу голыми руками, пытаюсь заткнуть пробойну ладонями. Ледяная вода, пахнущая хвоей и горным морозом, тут же с силой бьет мне в лицо, заливая глаза и нос. Я фыркаю, отплевываюсь и пытаюсь навалиться на этот фонтан всем весом.

Куда там! Давление такое, что меня просто отбрасывает назад. В отчаянии я хватаю самое толстое пушистое отельное полотенце и наматываю его на трубу, как жгут. Полотенце промокает за долю секунды, тяжелеет пудом и с громким влажным чавканьем шлепается мне на ногу.

А в голове предательски крутится цифра: пять миллионов рублей. Именно во столько мой бывший муж оценил пять лет моих бессонных ночей и бизнес, который мы строили вместе, прежде чем цинично выкупить мою долю и уйти к дочке инвестора. Я спустила эти унижительные отступные на то, чтобы закрыть ипотеку в крошечной однушке на окраине, а на остаток купила тур в самый пафосный закрытый эко-курорт Алтай — праздновать свое освобождение от уз брака.

Но всё пошло не так с самого начала.

Я барахтаюсь на мокром полу, пытаюсь хотя бы перенаправить струю в душевую кабину с помощью мраморной мыльницы. Вдруг сквозь шум моего личного водопада раздается уверенный, тяжелый стук в дверь.

Сердце ухает вниз. Персонал! Сейчас они увидят этот потоп, выставят мне счет с шестью нулями и заставят отрабатывать его посудомойкой.

Так, стоп. Я приподнимаюсь и придаю себе крайне уверенный вид. Я гостя. Я заплатила за этот тур всё до последней копейки! Или как там ведут себя богачи. Вскидывая подбородок и нервно убирая со лба мокрые пряди, я принимаю единственно верное решение: лучшая защита — это нападение. Набираю побольше воздуха в легкие, распахиваю дверь и, даже не глядя на того, кто там стоит, иду в атаку:

— Это просто возмутительно! И вы еще называете себя премиум-отелем?! Да ваша хваленая элитная сантехника только что пыталась меня убить!..

Он смотрит на меня сверху вниз. Все, что я успеваю заметить, прежде чем мокрая челка заклеивает мне лицо, — квадратная челюсть и широкий размах плеч. Вот бы натравить на бывшего этого медведя!

— Кто вас, говорите, пытается убить? — с насмешкой произносит этот... уборщик.

Я откидываю мокрые пряди назад, слишком резко мотнув головой, и в тот же миг не удерживаюсь — мыльная вода уже заливает пол в коридоре, превращая его в скользкий каток, — и лечу вниз.

«Только не хватало разбить себе лоб», — панически мелькает в голове.

Но пола я так и не достигаю. Меня подхватывают на лету. Сильные мужские руки смыкаются на моей талии, словно стальные тиски, с легкостью удерживая на весу. Я распахиваю глаза и вижу совсем близко его лицо: пронзительные карие глаза смотрят с легким прищуром и откровенной насмешкой.

— Сами убьетесь, или мне показалось? — его густой бас звучит с убийственной иронией.

Мужчина легко, как пушинку, ставит меня к стене. Я успеваю отметить, что одет он в потертые джинсы, тяжелые ботинки и выцветшую серую футболку, плотно обтягивающую литые мышцы. На поясе висит кобура с инструментами. Точно сантехник.

— Где администратор? — уже куда менее уверенным тоном произношу я, глядя широкой мужской спине вслед. Сантехник, даже не разуваясь, невозмутимо шагает прямо в затопленную ванную.

— А зачем он нужен? — доносится из-за двери.

— Ну... — я зябко скрещиваю руки на груди, пытаюсь стянуть края мокрого халата, чтобы из-под шелка не так откровенно проглядывали мои формы. — Например, для того, чтобы я написала жалобу!

— Жалоба так жалоба, — философски отзывается он.

Я осторожно заглядываю в ванную. Мужчина опускается на одно колено прямо в ледяную лужу, достает из чемодана тяжелый разводной ключ и каким-то неуловимым, уверенным движением намертво перехватывает сорванную резьбу. Одно резкое усилие — мышцы на его спине бугрятся под влажной тканью, — и ревущий водопад мгновенно затыкается.

— Бессовестный поставщик сэкономил на латунии, впарил дешевый силумин, — буднично комментирует он, закручивая вентиль. — Мы уже знаем об этом косяке, меняем трубы по всему отелю.

— Знаете и не устранили прежде чем номер сдать?! — возмущенно ахаю я.

Этот гигантский, похожий на ухоженного гризли мужик медленно оборачивается. Меряет меня долгим, вопросительным взглядом с ног до головы, отчего по коже пробегают мурашки, а затем спокойно возвращается к своему делу.

— Остался только один номер, куда не успели дойти. Ваш. Вам сегодня сказочно не повезло.

Вот это точно! Я в отчаянии закатываю глаза к потолку.

Мужик, закончив со своей миссией, вынимает из кармана джинсов телефон, что-то набирает на экране и бросает в трубку:

— Санёк, прошу тебя, подойди, — он называет номер моей виллы и сбрасывает вызов.

Пока мы ждем, я оглядываю масштаб катастрофы и практически плачу. Мой выстрадавший отдых окончательно испорчен. В мутной луже, покачиваясь на волнах, сиротливо плавают глянцева брошюра «Идеальный релакс на Алтае». Рядом дрейфуют моя дорогушая косметичка и перевернутый флакон любимых духов. Мои вещи промокли. А в довершение ко всему, медведь-сантехник только что «обрадовал» меня, что вынужден перекрыть еще и батареи. Мне ни согреться, ни запустить камин. Вообще ничего!

Я всё-таки не выдерживаю и жалко шмыгаю носом.

Мужик в этот момент оборачивается и несколько долгих мгновений молча смотрит на меня. Становится невыносимо неловко, и я спешу отвести взгляд. Представляю, какой у меня сейчас ужасный вид: мокрая мышь в прилипшем халате. Только кружочков огурцов под глазами да тюрбана из полотенца на голове не хватает для полного комизма.

Около входа на виллу плавно и бесшумно тормозит электрокар.

Сантехник делает несколько широких шагов навстречу вбежавшему молодому администратору, по-свойски здоровается с ним за руку и распоряжается:

— Пересели девушку в свободный номер. У нас что-нибудь осталось?

— Овербукинг, — виновато пожимает плечами администратор, бросая на меня сочувствующий взгляд, и тут же уточняет: — Опять взорвались эти китайские краны?

Сантехник мрачно хмыкает.

— Вот Петров обрадуется, — говорит он, неспешно вытирая огромные руки полотенцем, которое прихватил из моей ванной. — Опять всех премии лишит. Не хватало нам только еще одной жалобы.

Он выразительно скашивает глаза на меня.

Администратор обреченно вздыхает.

— И что делать будем, Павел Саныч? — он смотрит на этого простого работягу как-то подозрительно просительно.

— Ну... у нас же вроде пустует шале на опушке. Хозяйское.

У администратора округляются глаза:

— Серьезно, Павел Саныч? Туда?! Так нам же надо успеть всё там вымыть до приезда нового хозяина!

Мужик невозмутимо кивает и небрежно вешает испачканное полотенце прямо на плечо опешившему администратору.

— Успеем.

Затем он поворачивается ко мне. Вся его ирония куда-то испаряется.

— Как вас зовут?

— Алиной.

— А по батюшке?

— Алина Романовна, — говорю я, чувствуя, как от холода и пережитого стресса у меня начинают предательски дрожать губы.

— Хорошо, Алина Романовна, — неожиданно мягко произносит этот суровый медведь. — Отель перед вами действительно виноват, и я предлагаю это исправить.

— В элитном шале? — неуверенно выдавливаю я, стуча зубами. — Которое для владельца?

— Идите в кар, Алина Романовна, — ворчит Павел, подталкивая меня к выходу. — А то еще простудитесь. Я привезу вам что-нибудь теплое. Следующий трансфер в город всё равно пойдет только утром. Да утра мы ваши вещи и номер в порядок приведем.

Я забегаю в затопленный номер ровно на минуту, чтобы выхватить из уцелевших вещей кашемировое пальто, в котором летела до Горно-Алтайска. Накидываю его прямо поверх мокрого, ледяного шелка. Воротник все еще едва уловимо пахнет парфюмом бывшего мужа. Вдохнув этот знакомый запах, я невольно всхлипываю, с горечью вспоминая нашу налаженную, но такую беспросветно серую жизнь, которую я по наивности принимала за счастье.

Электрокар бесшумно дожидается меня на улице. Я забираюсь на сиденье, плотнее кутаясь в пальто, и стараюсь не смотреть на Павла. По правде говоря, мне ужасно неловко ехать с ним вот так, но перспектива ночевать в ледяной луже пугает еще больше.

Машина плавно трогается, шурша шинами по усыпанной гравием дорожке. Мимо проплывает суровая, потрясающая алтайская природа. Густой туман стелется над рекой, в воздухе отчетливо пахнет влажной хвоей, еловыми ветками и пронзительным холодом. Настоящая сказка, от которой у меня зуб на зуб не попадает.

Я честно пытаюсь смотреть на сосны, но взгляд сам собой примагничивается к водителю. Если закрыть глаза на легкую, небрежную небритость и массивный ящик со слесарным инструментом у его ног, можно было бы признать, что он чертовски привлекателен. По крайней мере, когда он уверенно крутит руль, под тонкой тканью выпятившей футболки перекачиваются такие рельефные мышцы, что становится не по себе.

В очередной раз бросив на него украдкой взгляд, я сталкиваюсь с его темными, насмешливыми глазами. Он ловит меня с поличным. И тут же резко тормозит электрокар.

— Вы бы переоделись, Алина Романовна, — с тяжелым вздохом говорит он. Затем переvesивается назад, достает с заднего сиденья огромную, толстую флисовую жилетку на овчине и протягивает мне: — Вот. Надевайте поверх.

— Н-не надо, — стуча зубами, пытаюсь отказаться я, хотя озябшие пальцы сами тянутся к спасительному теплу. — Нам еще д-долго ехать?

Павел вглядывается в сгущающиеся сумерки. Сейчас я готова оказаться где угодно: в бытовке, в котельной, в любой каморке, где ютится этот сантехник, лишь бы там было тепло и пахло горячим чаем, а не этим пронизывающим ледяным ветром.

— Минут десять, — прикидывает мой суровый спаситель.

— А п-почему вила так д-далеко?

Павел снова заводит кар.

— Потому что хозяин не любит, когда на него глазают, — отзывается он ровно, словно говорит о чем-то само собой разумеющемся. — Да и место там, сказать по правде, самое лучшее.

Электрокар тормозит у самого края обрыва. Я выглядываю из-за широкого плеча Павла и замираю.

Здесь нет аккуратных фонарей и вылизанных дорожек, как на остальной территории отеля. Только дикий, первозданный лес. В сгущающихся сумерках шале выглядит как спящий зверь: огромное, сложенное из массивных потемневших стволов и нетесаного камня. Оно буквально нависает над бурлящей Катунью. Звук реки здесь такой мощный, что вибрирует где-то под ребрами, а над водой поднимается густой, мистический туман, в котором тонут очертания скал на противоположном берегу.

Это место пропитано такой дикой, суровой красотой, что у меня на секунду перехватывает дыхание. Оно пугает и невероятно притягивает одновременно.

Но сейчас вила необитаема. Огромные панорамные окна чернеют пустотой, отражая лишь бледный свет выходящей луны. На террасе нет ни души, купель на улице накрыта деревянным щитом.

— Приехали, — глухо бросает Павел.

Глава 2. Берлога мечты

Я неуклюже вылезаю из кара, отчаянно ежась от пронизывающего влажного ветра. Мой мокрый шелковый халат под чужой тяжелой жилеткой окончательно заледенел.

Павел уверенно шагает к массивной двери. Никаких светящихся магнитных замков — он просто достает из кармана своих потертых джинсов металлическую связку и проворачивает ключ.

Мы заходим внутрь, и нас встречает плотная темнота и прохлада пустого, нежилого дома.

Щелчок — и под высоким потолком загораются тяжелые кованые люстры, заливая огромное пространство приглушенным медовым светом. Я вижу исполинский каменный камин, пока еще темный и холодный, шкуры на полу и глубокие кожаные диваны. Никакой отельной стерильности — это настоящая, брутальная мужская берлога.

— Дубак, — констатирует Павел, с глухим стуком опуская свой ящик с инструментами прямо на идеальный паркет. Хозяин точно оторвал бы ему за это руки.

Он поворачивается ко мне. В тусклом свете люстр его фигура кажется еще массивнее, заполняя собой половину прихожей.

— Снимайте мокрое, Алина Романовна. Прямо здесь, — командует он тоном, не терпящим возражений и достает из шкафа упакованный в пакет теплый костюм. — Это для VIP-

гостей, — поясняет он, касаясь сенсорной панели на стене дома, а затем и выходит наружу, на нависающую над рекой террасу.

В это время внутренности дома начинают утробно гудеть, и я переступаю с ноги на ногу, чувствуя, как деревянные половицы подо мной начинают мягко нагреваться.

Я оказываюсь перед дилеммой. Я в чужом доме, который явно принадлежит не простому смертному. Задираю голову: под высоченным потолком перекрещиваются массивные балки из черненого кедра. Огромный каменный камин, кожаные диваны глубокого винного цвета, шкуры на полу — все это кричит о безумно дорогих индивидуальных заказах.

Но при этом здесь совершенно нет личных вещей. Идеально вылизанная берлога для редких наездов инкогнито по высшему классу. И сюда меня поселил какой-то местный сантехник.

Впрочем, дрожащее от холода тело все-таки побеждает голос разума. Следующий трансфер будет только с утра — вспоминаю я слова Павла и решаю, что раз машины не будет, то и сам владелец сегодня точно не нагрянет. Если за собой очень хорошо прибрать, никто даже не догадается, что я тут была.

Я тихо прошмыгиваю в ванную, на всякий случай озираясь по сторонам — вдруг тут скрытые камеры? Хотя какой хозяин захочет, чтобы за ним наблюдали в его же укрытии?

Ванная комната оказывается размером с мою бывшую спальню: темный матовый сланец на стенах, тропический душ размером с тарелку спутниковой связи и панорамное окно с видом на глухой лес. Я быстро скидываю мокрые шелковые тряпки, вешаю их на хромированный полотенцесушитель и влезая в плотный флисовый костюм с логотипом отеля, который выдал мне Павел.

Вещь невероятно теплая и мягкая. Правда, носить ее на голое тело, без белья, как-то до неловкости неуютно.

Я выхожу в гостиную и через огромные панорамные окна вдруг понимаю, что именно Павел делает на веранде.

В густом сапфировом небе Алтай уже рассыпались крупные, колючие звезды. Над невидимой, но шумящей где-то внизу рекой стоит плотный сизый туман. А на краю просторной террасы в огромной кедровой бочке-фурако бурлит вода, и над ней в морозный воздух поднимаются густые клубы белого пара.

Огонь в печи под купелью ярко трещит, отбрасывая золотистые блики на деревянный настил. И посреди всей этой суровой, первобытной магии стоит Павел.

Он подкидывает поленья в топку, и в свете пламени видно, как перекачиваются мышцы на его спине и плечах под тонкой тканью футболки. Он работает уверенно, без суеты, словно укрощая саму стихию ради того, чтобы согреть одну продрогшую гостью. От этого зрелища — сочетания дикого холода снаружи, горячего пара, запаха костра и спокойной мужской силы — по телу разливается внезапный, предательский жар.

Я отмираю только тогда, когда щелкает замок, и Павел вместе с облаком морозного воздуха и запахом дыма заходит обратно в дом.

— Марш в воду! — приказывает он мне, кивая на террасу. — Я не буду подглядывать.

— А... — мы замираем друг напротив друга, и я вдруг ловлю в его темных глазах нечто странное. Что-то очень похожее на мужской интерес. Он смотрит на то, как плотный флис облегает мою фигуру, и я инстинктивно делаю шаг назад, предпочитая думать, что мне просто показалось. Конечно, показалось! Я приехала сюда зализывать раны и отдыхать от мужчин в принципе. Да и зачем мне, скажите на милость, не в меру инициативный сантехник?!

— А хозяин вам вообще разрешает вот так вот распоряжаться его личной виллой? — на одном дыхании выдаю я, пытаюсь перевести тему.

Павел хмыкает, стягивая рабочие перчатки.

— Так хозяин ведь с пятницы новый будет. А старый уже ничего не решает тут.

Он проходит вглубь гостиной.

— Почему вы так бесцеремонно тут всем распоряжаетесь? — не унимаюсь я.

Павел замирает. Медленно поворачивается, упирает сильные руки в бока и усмехается одним уголком губ.

— Разве не очевидно, Алина Романовна? Мне не нужна ваша дурацкая жалоба. Ведь трубы — это моя забота, — он делает небольшую паузу, глядя мне прямо в глаза. — А вы разве сами не хотите отдохнуть по высшему классу? Такая вилла, — он небрежно обводит взглядом высоченные кедровые потолки, — стоит двести пятьдесят тысяч за ночь.

Я сглатываю от озвученной суммы — это половина того, что я отдала за поездку сюда — но упрямо вскидываю подбородок:

— Я просто не хочу влипнуть в неприятности.

Павел вдруг хитро, почти по-мальчишески подмигивает мне и произносит низким, обволакивающим голосом:

— Все ваши неприятности я беру на себя.

Павел уходит, перепрограммировав панель «Умного дома».

— Вот, — уже стоя в дверях, терпеливо, как маленькой девочке, объясняет он. — Нажмете на красную кнопку на экране, если что-то понадобится. Сотовая связь в горах иногда барахлит, поэтому вызов пойдет по внутренней сети прямо мне на рацию.

— А вы по ночам вообще не спите? — зачем-то ляпаю я, чувствуя, как щеки заливают предательским румянцем. Ну вот, повела себя как дурочка, задав максимально неуместный вопрос.

Он усмехается одним уголком губ.

— Надеюсь, Алина Романовна, что это вы сегодня будете крепко спать, — говорит Павел и выразительно кивает в сторону террасы. — А сейчас идите в воду. Полотенца в ванной.

Шагает за порог, и тяжелая дверь с глухим щелчком отрезает меня от остального мира.

Я какое-то время сверлю взглядом дерево, прислушиваясь к тому, как снаружи тихо шуршит шинами отъезжающий электрокар. А затем поворачиваюсь лицом к огромному панорамному окну и черной алтайской ночи за ним. Если подумать, разве не об этом я мечтала, когда в слезах подписывала документы о разводе? Уединенный дом на краю земли. Шум бурлящей горной реки. Возможность выдохнуть, забыть обо всем и спрятаться. Но моих отступных с трудом хватило лишь на стандартный номер, который благополучно затопило.

Решительно сбросив отельный флис, я выскакиваю на морозную террасу. Холод мгновенно кусает за плечи, заставляя покрыться мурашками, но я тут же погружаюсь по шею в обжигающую воду купели. Над поверхностью клубится густой пар, терпко пахнувший прогретой древесиной, кедром и эфирными маслами. На воде покачиваются темные еловые иголки. Абсолютный, чистый кайф!

А этот местный сантехник, оказывается, умеет не только выигрывать битвы с сорванными кранами. Растопить печь на морозе, нагреть чан — настоящий мужчина с руками. Мой бывший умел только виртуозно считать чужие деньги. Как типичному сыну академика, ему с детства вбили в голову, что держать в руках гаечный ключ или топор — зазорно. До определенного момента это мне даже нравилось.

Но точно не сейчас. Нежась в горячей воде и вдыхая морозный воздух, я вдруг слишком живо представляю Павла... в роли личного банщика. В голове вспыхивает картинка: его широкая спина, перекатывающиеся под кожей мышцы, сильные, чуть грубые руки. Выглядит до одури соблазнительно. Может, предложить ему щедрые чаевые за дополнительные услуги?

Тьфу ты! Я резко выпрямляюсь, расплескивая воду. О чем я вообще думаю?! Он и так бесплатно заселил меня в супер-элитную виллу, рискуя своей работой.

От жара купели я окончательно разомлела, тело стало тяжелым и ватным, но в горле внезапно пересохло. Выбравшись из воды на деревянный настил террасы, я поспешно закутываюсь в гигантский махровый халат. Холодный воздух тут же бьет по влажным щекам, заставляя бегом броситься обратно в тепло дома.

Зайдя на дизайнерскую кухню, я дергаю ручку огромного встроенного холодильника и с глубоким разочарованием обнаруживаю внутри пустоту. На стеклянной полке скучает лишь премиальная бутылка минеральной воды. Ну конечно. Продукты к прибытию большого босса еще не завозили. Да и зачем? Он наверняка планирует питаться в том самом баснословно дорогом ресторане курорта, где мне с моим бюджетным тарифом был положен только скудный утренний шведский стол.

Я выпиваю стакан воды, но желудок в ответ лишь возмущенно сводит болезненным спазмом. От свежего горного воздуха и пережитого стресса голод просыпается зверский.

Я кошусь на светящуюся красную иконку на панели «Умного дома». Нет. Звонить суровому сантехнику по рации и жаловаться на то, что я хочу кушать, я точно не стану. Это уже за гранью. Выпью еще воды, заберусь под роскошное одеяло и как-нибудь дотяну до завтрашнего утра.

Глава 3. Природные особенности

Но стоит мне лечь в кровать — огромное ложе из темного дерева, застеленное хрустящим кипельно-белым бельем с десятком воздушных подушек, — как пустой дом начинает давить на меня своими масштабами. Отовсюду доносятся странные скрипы и шорохи. Я поглубже зарываюсь в тяжелое, пахнущее свежестью пуховое одеяло, но сон не идет. Вместо этого услужливый мозг подкидывает всё, что я читала перед поездкой. Про то, что земля здесь живая, про древних алтайских духов Ээзи, стерегущих леса.

И тут по деревянной крыше что-то отчетливо стучит. Царапающий, быстрый звук, словно кто-то пробежался прямо над моей головой.

Я резко подскакиваю, судорожно прижимая одеяло к груди. Бросаю взгляд на светящиеся цифры часов у кровати: только одиннадцать вечера. Мне предстоит провести в этом стеклянном склепе посреди тайги целую ночь. Вдобавок желудок снова мучительно сводит от голода.

Решив, что сидеть и трястись — глупо, я кутаюсь в тяжелый шерстяной плед, сползаю с кровати и на цыпочках крадусь к выходу на террасу. «Никаких духов нет, это просто птицы или ветки», — как мантру твержу я себе, аккуратно приоткрывая стеклянную дверь.

И ровно в эту секунду прямо над моей головой раздается жуткое, вибрирующее уханье совы, больше похожее на сумасшедший женский смех. Следом — громкие, тяжелые хлопки крыльев, а затем, откуда-то из темноты с противоположного берега, слышится протяжный, тоскливый вой. Настоящий волчий вой.

Я с ужасом захлопываю дверь, защелкиваю замок и отшатываюсь вглубь комнаты, тяжело дыша. Там волк. Перед глазами тут же всплывают какие-то дурацкие страшилки о том, как оголодавшие хищники иногда бросаются прямо на панорамные окна домов. А я тут на отшибе совершенно одна!

Вой не утихает, становясь будто бы даже ближе.

Выдержав еще пять минут этого лесного концерта, я окончательно сдаюсь. Бросаюсь в прихожую к светящейся панели управления «Умным домом» и бью ладонью по красной иконке, которую показал Павел.

Из динамика раздается короткое шипение рации, и он отзывается мгновенно:

— Да?

Я судорожно сглатываю, не зная, как признаться этому суровому медведю, что я до одури боюсь темноты и того, что заперта на вилле вдали от людей. И что здесь водятся чертовы волки!

— Не могли бы вы... принести мне что-нибудь поесть? — вместо всего этого жалко выдыхаю я.

— Поесть? — он произносит это с легкой заминкой, а затем в динамике раздается тихий смешок. — Ах да, черт возьми. Я же оставил вас с пустым холодильником. Извините, Алина Романовна. Сейчас спущусь на кухню. Что предпочитаете?

— Нет-нет, Павел Александрович, — нервно тараторю я, бросая испуганный взгляд на темные стекла. — Можете захватить что угодно! Хоть чипсов с коллой, правда! Главное... приезжайте побыстрее.

Его нет невыносимо долго. Тишина пустой виллы давит на уши, и мне начинает казаться, что каждая тень в углах огромной гостиной шевелится. Но тут за панорамным стеклом мелькают фары, и у террасы бесшумно останавливается электрокар.

Щелкает замок, и вместе с облаком холодного воздуха в прихожую шагает Павел. В одной руке у него объемный крафтовый пакет, под мышкой — массивный сверток в пищевой пленке.

— Господи, спасибо, что приехали! — с облегчением выдыхаю я, бросаясь к нему и в спешке пытаюсь перехватить продовольствие.

Но пальцы, дрожащие от недавнего страха, слушаются плохо. Тяжелый сверток выскальзывает, пленка предательски шуршит, и увесистый кусок мяса с глухим влажным стуком шлепается прямо мне под ноги на идеальный паркет.

— Ой! — только и вырывается у меня.

Павел останавливается. Глубоко, выразительно вздыхает, невозмутимо садится на корточки и подхватывает добычу с пола.

— И как вы только до Алтая-то добрались без приключений, Алина Романовна? — устало, но с явной смешинкой в голосе спрашивает он.

Я возмущенно упираю руки в бока, чувствуя, как горят щеки:

— А вы решили накормить меня сырым мясом?

Павел усмехается одним уголком губ, стягивая куртку.

— А камин нам на что?

— Вы серьезно?.. — я неуверенно переминаюсь с ноги на ногу, глядя, как он уверенным шагом направляется к хозяйскому очагу. В голове бьется паническая мысль: это же элитная вилла! От мяса останутся брызги жира, сажа, запах... Что там еще бывает?

Но Павла это совершенно не заботит. Исполинский камин, вырубленный из цельного дикого камня, явно оснащен по последнему слову техники: стоит Павлу нажать сенсорную кнопку сбоку, как над очагом с тихим гулом включается мощная скрытая вытяжка. Он берет тяжелую кованую кочергу, играючи раздвигает уже прогоревшие до состояния жарких рубинов поленья и устанавливает поверх них массивную чугунную решетку-гриль.

Оглядывается на меня через плечо и ровно произносит:

— Да садитесь уже, Алина Романовна. В ногах правды нет.

Его низкий, спокойный голос звучит так, что спорить совершенно не хочется. Я послушно опускаюсь прямо на брошенную у очага потрясающе мягкую, густую кожу неустожденного зверя. Подтягиваю колени к подбородку, уютно кутаясь в свой безразмерный флис.

Воздух вокруг мгновенно наполняется одуряющим ароматом пряного маринада и шипящего мясного сока, падающего на раскаленные угли. У меня во рту скапливается столько слюны, что становится стыдно.

Подперев голову рукой, я заворуженно смотрю на широкую, сильную спину Павла. Отсветы пламени мягко скользят по его плечам. Этот мужчина снова работает руками — уверенно, без суеты укрощая огонь и неподатливое мясо, — и выглядит это до мурашек гипнотически. Не хочется отрывать взгляд. Правду говорят: можно вечно смотреть на огонь, воду и на то, как кто-то работает.

Вспомнив конец этой бородатой шутки, я стряхиваю с себя оцепенение и порывисто подсакиваю:

— Может, мне хоть что-то приготовить? Порезать там...

Павел небрежно переворачивает стейк, оборачивается через плечо и смотрит мне прямо в глаза:

— Нет уж. Садитесь. Сегодня вы — моя гостья.

Я так и замираю на месте, приоткрыв рот. Вот это самомнение! Простой работяга настолько обнаглел, что считает хозяйскую виллу за двести пятьдесят тысяч в сутки — своей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.